

studies

Институт
мировой
литературы
имени
А.М.Горького

Российской
академии наук

litterarium

p-ISSN 2500-4247

e-ISSN 2541-8564

том 5 #4
2020

Теория литературы
Мировая литература
Русская литература
Литература народов
России и Ближнего
зарубежья
Фольклористика
Текстология
Источниковедение
Публикации
Научная жизнь
Из истории
литературоведения
Рецензии

Федеральное
государственное
бюджетное
учреждение
науки

**Институт
мировой
литературы
имени
А.М. Горького**

**Российской
академии наук**

**том 5 #4
2020**

Москва

studia
litterarum

Studia Litterarum

Литературные исследования
Научный журнал
Издается с 2016 года

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ: МЕЖДУ
РЕЦЕПЦИЕЙ И АВТОРЕФЛЕКСИЕЙ:
(ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ АЛЬБОМА
«ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕНзуРА». 1923–1931)

© 2020 г. Е.Р. Обатнина

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 11 марта 2020 г.

Дата публикации: 25 декабря 2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265>

Аннотация: Предметом исследования является проблема взаимоотношений А.М. Ремизова с читателями из профессионального круга литераторов, которая рассматривается на материалах авторского альбома «Зарубежная цензура» — неизвестного артефакта, созданного в 1923–1931 гг. Альбом как продукт литературного быта отражает процесс авторефлексии писателя, вызванный различными случаями редактур и критики его произведений в эмигрантской печати. Автор статьи выявила, какое содержание Ремизов вкладывал в понятие «цензура» в условиях эмиграции, и указала на скрытые сюжеты его творческой биографии, связанные с публикацией произведений, попавших в категорию «подцензурных». Подборка материалов в альбоме обнаруживает ремизовское неприятие предустановленных в редколлегиях шаблонов литературной нормы и стереотипов восприятия его творческого диапазона. Анализ документов альбома позволил раскрыть причины ограничений, адресованных Ремизову в редакциях. Специальный интерес автора статьи локализовался на критических отзывах, отобранных писателем для своего альбома, в которых Ремизов зафиксировал несовпадение авторского «горизонта ожидания», заложенного в его художественных произведениях, и «горизонта ожидания» отдельных критиков. В статье впервые публикуются неизвестные архивные материалы, дополняющие творческую биографию Ремизова и раскрывающие позицию писателя как активного участника литературного процесса Русского Зарубежья.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, альбомы Ремизова, артефакт, литературный архив, литературный быт, редакционная политика, литературная критика, литературное поведение, писательское кредо, авторефлексия, «горизонт ожидания».

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией: (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 246–265. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

ALEXEY REMIZOV: BETWEEN RECEPTION AND SELF-REFLECTION (THE CHOSEN PAGES OF THE SCRAPBOOK "FOREIGN CENSORSHIP" 1923–1931)

© 2020. E.R. Obatnina

Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Received: March 11, 2020

Date of publication: December 25, 2020

Abstract: The subject of this study is relationship of Alexey Remizov with his readers from the professional literary community that draws from the materials of the author's scrapbook *Foreign Censorship* — unknown artifact created in 1923–1931. The album as a product of the literary "everyday life" ("byt") reflects the process of Remizov's self-reflection prompted by various instances of editing and criticism of his works in the emigrant press. The author of this article explains the meaning that Remizov associated with censorship under the conditions of emigration and highlights the hidden plots of Remizov's biography connected with the publication of his censored works. The collection of materials in the scrapbook reveals Remizov's rejection of the ready patterns of the literary norm and stereotypes that affected the perception of his work by editors. Analysis of the scrapbook's documents has allowed disclose the reasons for imposing editorial restrictions on Remizov. The author specifically focuses on the critical reviews selected by Remizov for his scrapbooks demonstrating the discrepancy between Remizov's own "horizon of expectation" and that of his critics. The article is followed by the publication of the hitherto unpublished archival materials, a welcome addition to Remizov's biography that reveals his place in the Russian émigré literary scene.

Keywords: A.M. Remizov, Remizov's scrapbooks, artifact, literary archive, literary reception, editorial policy, literary criticism, literary behavior, writer's credo, auto-reflection, horizon of expectation.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199004 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina E.R. Alexey Remizov: between Reception and Self-Reflection (The Chosen Pages of the Scrapbook "Foreign Censorship", 1923–1931).

Studia Litterarum, 2020, vol. 5, no 4, pp. 246–265. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265>

Диапазон творчества Алексея Ремизова, сложившийся к 1910 г., Иванов-Разумник, цитируя строки повести «Крестовые сестры», определил границами символических антитез — «между “Святой Русью” и обезьяной»¹. С 1906 г. критика продуцировала образ писателя, сочетающего полярные свойства любителя всякого рода бесовщины, тонкого психолога детских душ, знатока русской старины, наследника Достоевского [3, с. 146–203; 9, с. 70–78]². В эмиграции, начавшейся для Ремизова 5 августа 1921 г., к подобным характеристикам добавились новые обертоны, рисующие писателя-«келейного затворника», «алхимика» слова, запершегося в своей «лаборатории», или даже некоего писателя-«улитки», отгородившегося от внешнего мира своим домом-панцирем³. Разного рода оценки литераторов-профессионалов, акцентирующие ремизовское «затворничество» по отношению к эмигрантской литературно-общественной жизни, лишь формально отражали суть его литературного поведения.

Во все времена литературная репутация писателя зависела от профессиональной критики и редакционной политики наиболее авторитетных изданий, однако авторская самооценка и внешняя рецепция далеко

1 Иванов-Разумник. Между «Святой Русью» и обезьяной: Творчество Алексея Ремизова // Речь. 1910. 11 октября. С. 3.

2 Здесь и в примеч. 3 приводятся лишь единичные примеры критических отзывов в обширной библиографии Ремизова: П. <Пильский П.М.> Келья А. М. Ремизова // Сегодня. 1931. 7 июля. С. 8; Измайлов А. Бесовские арабески: (Литературный портрет А. Ремизова) // Биржевые ведомости. 1911. 15 сентября. (утр. вып.). С. 3. См. также вторую часть библиографического указателя: [1].

3 См.: Лежнев И. Где же новая литература? // Россия. 1924. № 1. С. 194; Бем А. Индустриальная подкова Алекс. Ремизова // Руль. 1931. 13 августа. С. 2.

не всегда тождественны друг другу⁴. Выявление особенностей взаимодействия Ремизова с представителями литературной системы — с профессиональными «читателями» в дореволюционной России уже давно является неизменной составляющей комментариев к собранию сочинений писателя и подкреплено тщательным изучением материалов из его личного архива. Перенесение этого же ракурса на первое десятилетие эмигрантской жизни — время существенных изменений для писателя как на уровне бытийственном, так и профессиональном, — открывает перспективу на исследование творчества Ремизова как участника литературного процесса Русского зарубежья.

На подходах к проблеме ремизовской рефлексии по поводу собственного места в литературном ландшафте эмиграции не обойтись без архивной переписки с редакциями и критиками. Между тем приходится признать, что такой важный источник, как корреспонденция, прекрасно раскрывает печатную историю текстов, эстетические критерии рецензентов, но собственно взгляды писателя на литературу современности оставляет в тени, поскольку обмен письмами с редакциями обычно не предполагал литературных дискуссий⁵. К тому же сохранившиеся архивы редколлегий отдельных изданий зарубежья, где бы мы могли найти письма писателя и восстановить диалог между оппонентами, явление сколь ценное, столь и редкое. Ввиду весьма немногочисленных высказываний Ремизова на тему взаимоотношений с литературной средой, запечатлевшихся по большей части в его дневниковых записях конца 1940-х гг. [18, с. 263–291], наиболее продуктивным для рассмотрения ситуации 1920-х — начала 1930-х гг. является изучение литературного поведения писателя, выражавшееся в его печатных выступлениях и художественных изображениях острых сюжетов жизни⁶.

Творческое наследие Ремизова вбирает в себя не только рукописи, эпистолярное наследие и биографические материалы, но и авторскую

4 См., в частности, о литературной репутации: [21; 2, с. 57–66; 17; 10, с. 177–178].

5 См. также о критике произведений Ремизова, обращенной лично к писателю: [12, с. 181–202].

6 О печатных выступлениях Ремизова и литературно-художественных отражениях, связанных с обвинением писателя в плагиате в работах И.Ф. Даниловой: [5, с. 99–124; 19, с. 481–497 (комментарии И.Ф. Даниловой)]. См. также о литературном поведении Ремизова в связи с анкетой журнала «Числа» в 1931 г.: [13, с. 22–25].

методологию архивации личных документов. Эта сфера деятельности писателя открывает постоянный процесс авторефлексии, позволявший ему оценивать свой статус в литературной иерархии, вырабатывать тактику по линии защиты собственной творческой независимости от внешних влияний профессиональных реципиентов и подготавливать фундамент для создания собственной творческой биографии⁷. Не случайно в личном архиве Ремизова возник единственный в своем роде документ — альбом под названием «Зарубежная цензура»⁸. Рукодельный конволют был составлен из наборных рукописей, не пропущенных в редакциях изданий Берлина и Парижа, писем редакторов, вырезок газетных рецензий и критических статей на произведения писателя за период с 1923 по 1931 г. В автобиографическом, по существу, материале под дефиницией «цензура» собраны материалы, освещающие диалектику отношений писателя с его редакторами и критиками.

Коллекция «цензурных» случаев служила писателю подручным материалом для фиксации сложного периода, связанного с утверждением *modus vivendi* его литературной личности в условиях эмиграции. К ключевым событиям названного периода относится выход в свет таких новаторских по форме автобиографических произведений, как книга «Кукха. Розановы письма» (1923), цикл «Мои литературные сны» (1925), роман «Взвихренная Русь» (1927) и повесть «По карнизам» (1929). Отчасти благодаря публикациям этих произведений в русских редакциях эмигрантских органов печати сформировался «черный» список ограничений, распространявшихся на отдельные проявления экспансии ремизовского «Я» в сферу художественной литературы.

Назовем эти «болевые точки», которые в реальности сигнализировали в равной степени, как о специфике творческого эксперимента Ремизова, так и об эмигрантской литературной ситуации, отягощенной политическими противоречиями, авторитарностью отдельных мнений и консерватизмом литературных вкусов. Несомненно, остро негативную реакцию редакторов и критиков вызывало проявление ремизовского «патриотизма», который писатель манифестировал независимо от смены

7 О такой подготовке см.: [4, с. 249–262].

8 Amherst Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее — Amherst). Series 1. Subseries 2. Box 16. Folder 29.

политической власти в России⁹. Особенно неуместной эта позиция оказалась в Париже. Здесь, в отличие от «русского» Берлина 1921–1922 гг., наводненного советскими писателями и издателями, создававшими иллюзию безопасности советской власти, политическая составляющая, направленная на категорическое отрицание СССР, служила маркером для формирования редакционных портфелей¹⁰. Совершенно не приветствовался и ремизовский автобиографический «документализм», эксплуатирующий употребление имен известных современников и воспроизводящий не только реалии личной жизни писателя, но и его подсознания — в виде жанра «снов». За этой тенденцией критики усматривали отнюдь не художественный прием, а скорее, повод для нарушения этических норм, в особенности если упомянутый Ремизовым имярек оказывался героем абсурдистского «сна» или фантастического приключения, вплетенного в бытописание личной жизни автора¹¹. К сфере этических нарушений также были отнесены такие характерные свойства ремизовской прозы, как натурализм, эротизм и интимность, которые неизменно наделялись негативной коннотацией с провокационным стилем философской прозы В.В. Розанова.

В альбоме «Зарубежная цензура» Ремизов практически самоустранился от пояснений к его подборке «цензурных» случаев. Его личная реакция зафиксировалась лишь в единичных подчеркиваниях и пометах. Между тем в организации этого герметичного материала просматривается очевидная логика, позволяющая выявить тематические локусы и причины, по которым отдельные документы стали предметом ремизовской коллекции.

В настоящей статье мы остановимся на фрагментах альбома «Зарубежная цензура»¹², выделив отдельные сюжеты, скрытые за конкретными

9 См. о печатных выступлениях Ремизова в эмигрантской прессе 1921–1922 гг.: [14, с. 25–31].

10 Сюжету, посвященному цензурным ограничениям по политическим мотивам, посвящена наша статья: *Обатнина Е.Р.* Избранные страницы из альбома Алексея Ремизова «Зарубежная цензура»: Политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.

11 См. нашу статью «Ремизов в борьбе за “сон”», восстанавливающую сюжеты, связанные с критикой жанра «сна» в альбоме «Зарубежная цензура» (в печати: Русская литература. 2021. № 1).

12 Далее в тексте мы будем приводить документы альбома, помечая их номерами в круглых скобках, в полнотекстовом объеме, если это эпистолярный источник, либо в виде аннотаций, содержащих описание рукописи или печатного текста, а также необходимые дополнения, касающиеся авторских помет и сведений о публикации. Последовательность

примерами из ремизовского конволюта, для того чтобы структурировать проблемное поле коммуникации писателя с «цензорами» и критиками. Для подкрепления наших реконструкций, мы, помимо критических печатных отзывов, также обратимся и к другим тематически близким материалам архива писателя, которые поддержат нашу догадку о том, что альбом «Зарубежная цензура» представляет собой свод своего рода документальных «уникумов», отражающих рецепцию его творчества в литературной среде.

Разумеется, среди критиков, рецензентов и редакторов писателя были люди в разной степени к нему приближенные по дружеским и профессиональным мотивам. Однако позиция редактора обязывала соблюдать формат и политику издания, а позиция рецензента вынуждала рассматривать отдельные произведения во взаимосвязи с предшествующим творческим багажом автора, с одной стороны, и в контексте современного литературного процесса, с другой. В альбоме «Зарубежная цензура» мы не найдем категорически негативных критических отзывов. Однако именно благожелательные рецензии и статьи, похоже, Ремизов был склонен воспринимать с обратным знаком, ведь именно созданный благодаря многим из таких оценок «образ» писателя (Ремизова — сказочника, Ремизова — археолога русской книжности, Ремизова — последователя Достоевского) задавал «устаревшую» для его самоощущений парадигму читательского восприятия. Все оценочные «клише» возникли благодаря мастерству писателя, сформировавшемуся еще в доэмигрантский период его творчества. В 1920-х гг. Ремизов находился в поиске новых форм автобиографической прозы, и заслуженные еще до революции «регалии» явно ограничивали его творческий поиск.

Из своей корреспонденции в альбом «Зарубежная цензура» для раскрытия темы «цензуры» Ремизов отобрал лаконичный эпистолярный документ, содержание которого подтверждало довольно распространенную в его литературном окружении тенденцию — не столько препятствовать сугубо авторским приемам, сколько откорректировать творческое реноме писателя, отвечающее сложившимся стереотипным представлениям о его

фрагментов не соответствует альбомному расположению и подчинена исключительно логике наших рассуждений.

таланте. Подобным примером дружеского «манипулирования» творческой реализацией Ремизова оказалось письмо Бориса Зайцева, который оставался на протяжении многих лет в числе близких товарищей писателя. В качестве заведующего литературным отделом образованного в 1925 г. рижского журнала «Перезвоны» ему пришлось отвечать на «прицельные» вопросы писателя, касающиеся литературной политики издания, исподволь указывая на предпочтения редколлегии:

(1)

22 сент<ября> 1926

Дорогой Алексей Михайлович,

обо всем, что Вы хотите и о чем упоминаете, я в «Перезвоны» написал.

*Цензуры у нас нет, а некоторый отбор редакционный как и всюду*¹³. Оч<ень>

рад буду, если дадите нам еще что-ниб<удь>,

особенно если это будет «стиль рюсс».

Ваш Бор. Зайцев¹⁴.

Зайцев искренне ценил ремизовское призвание сохранять в культурной памяти соотечественников традицию русской патериковой легенды. Четверть века спустя, в мемуарном очерке, не без мысли о давнем сотрудничестве в «Перезвонах», он коснулся темы востребованного писательского «амплуа»: «У нас, в “Русской мысли” того времени, — писал он, используя название известного журнала, образованного в 1947 г., в значении абстрактного эмигрантского периодического издания, — много появлялось очень милых его вещичек “стиль рюсс” чрезвычайно. Этим я обычно занимался. Он давал мне текст, я по напечатании носил ему гонорары — скромные, но честные эмигрантские златницы. Небогато, но ему и это нравилось» [6, с. 137].

Закономерно, что из всех современников ремизовская настойчивость в праве на свободный творческий выбор запомнилась именно Зайцеву. В 1926 г. широко отмечали 25-летие его литературного пути. Из канцелярии Царя Асыки Первого была направлена искусно изготовленная «ценная бумага», удостоверяющая не только княжеский титул Зайцева в Обезьяньей Великой и Вольной Палате, но и гарантирующая ему привилегии, которые

13 Подчеркнуто красными чернилами рукой Ремизова.

14 Amherst. Series 1. Subseries 2. Box 16. Folder. 29.

были оплачены специальными «акцизными» марками разного денежного достоинства в валюте Обезвельволпала — «обезлионах». Каждая из них сопровождалась ремизовским пояснением. Была среди них и специальная, напоминавшая Зайцеву о проблеме авторской свободы в эмигрантской печати: «марка 12 обезлион / право печатать / все, что хочешь / безо всякой редакционной цензуры» (цит. по воспроизведению грамоты в кн.: [7, с. 318]). Этот сюжет подспудно присутствует в речи Зайцева, опубликованной уже к 50-летию литературной деятельности Ремизова, в которой, говоря о его творческой индивидуальности, он не преминул отметить независимый характер юбиляра: «У Вас есть свобода писать, что хочешь, как хочешь ...» [8, с. 2].

Между тем в первой половине 1920-х гг. желание «сузить широту» ремизовского творчества прочитывалось и в критических оценках З.Н. Гиппиус, которая, используя свой литературный авторитет, в рецензии на книгу «Звенигород окликаный» (1924) объявила: «У Ремизова я люблю не все. И мне жаль, что в нем не разбираются, не хотят понять, за что именно его нужно любить. Одни, с эстетической точки зрения, возвышают его, другие — отрицают (тоже эстетически!), но берут непременно целиком, и главного дара, собственной его доли, — как он любит говорить, — обыкновенно не замечают». По убеждению критика главное призвание писателя — быть певцом «юродивой Руси»¹⁵. Попытки создать актуальный для печати ремизовский «репертуар» сказались и на тактике редактора журнала «Современные записки» М.В. Вишняка, который после публикации глав новой повести «По карнизам», построенной на абсурдной диффузии реальности и фантазии, решил конкретизировать спрос редакции и в письме от 23 декабря 1925 г. спрашивал: «Что Вы готовите для “Современных” Зап<исок>”? Думаете ли вообще? Помните о нас и наших вкусах: реалистическое (Поле блакитное¹⁶) мы предпочитаем снам (La Matière¹⁷). Если что готово, сообщите, — мы возьмем в запас»¹⁸. Подобного рода творчество «по запросу» редакций явно не согласовывалось с личной творческой программой Ремизова.

15 Антон Крайний. <Гиппиус З.Н.> А. Ремизов. Николины притчи. [Рец.] // Современные записки. 1924. Кн. 22. Дек. С. 447.

16 Повесть «В поле блакитном» вышла из печати в Берлине в 1922 г.

17 Глава из повести «По карнизам». См.: Ремизов А. La Matière // Современные записки. 1926. Кн. 27. Дек. С. 101–157.

18 Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

Как мы могли убедиться по приведенному выше письму Зайцева, в периодике охотно печатали ремизовские переложения апокрифических легенд и патериковых рассказов. Однако и в пределах художественного освоения агиографии писатель сталкивался с ограничениями. Нечто вроде «нравственной» цензуры угадывается в отношении представителей редакционных коллегий к его археологическим «находкам» из собраний патериковых легенд, недвусмысленно раскрывающих тему «блуда» как бесовского наваждения в жизни христианского праведника с последующим описанием духовной победы над грехом. Судя по составу альбома «Зарубежная цензура» «проблемными» в 1925–1926 гг. оказались три рассказа:

(2) Рассказ «Покаяние» («Один престарелый епископ, о котором шла молва...»). Наборная рукопись. Автограф с вымаранным словом в признании епископа: «— Я [зчркн. 1 слово] впал в блуд. И больше не могу быть вашим епископом».

(3) Рассказ «Постник». Наборная рукопись. Автограф. Здесь же зеленым карандашом Ремизов внес разметку текста корректурными знаками. В правом верхнем углу авторская помета зеленым карандашом: *Purus amor*. Текст несет на себе следы стертых зачеркиваний крест-накрест также зеленым карандашом.

(4) Рассказ «Судия». Наборная рукопись. Автограф. Здесь же зеленым карандашом Ремизов внес разметку текста корректурными знаками. В правом верхнем углу две ремизовских пометы: 1) красными чернилами: *Не пропущено Перезвонами*; 2) зеленым карандашом: *Чертог твой*¹⁹.

Для понимания мотивов к «цензурным» преследованиям подклеенных в альбом рукописей нам следует обратиться к истории создания журнала «Путь», посвященного религиозно-философскому модернизму. Летом 1925 г. по договоренности с учредителем и редактором нового из-

дания Н.А. Бердяевым Ремизов подготовил четырехчастный корпус своих переложений легенд о святых угодниках, собранных по древнерусским источникам. Первый и второй разделы составляли циклы «Pigus amog» и «Чертог Твой» с тремя названными рассказами, сюжеты которых строились на гомосексуальной теме²⁰. В письме от 24 августа, сохранившемся среди корреспонденции Ремизова, Бердяев сообщал о своем впечатлении, которое даже повлияло на уже установленную редакционную политику, первоначально не предполагавшую публикации художественных произведений. Однако именно циклы, содержащие приведенные выше рассказы, были редактором «отбракованы»: «Дорогой Алексей Михайлович! Прочел с большим удовольствием то, что Вы мне прислали. У нас в журнале беллетристики не будет, но можно иногда печатать художественные отрывки, имеющие религиозный интерес. Я думаю, что можно из них напечатать III. Дела человеческие и IV. Русские повести. I. Pigus amog и II. Чертог твой, по-моему, не подходят и мне мало нравятся»²¹. В результате во втором номере журнала «Путь» за 1926 г. без названных разделов были помещены тринадцать ремизовских миниатюр под общим заголовком «Из книги “Плетешок”» [1].

Едва ли зачеркнутое слово в рукописи «Покаяние» стало причиной отказа от рассказа, который впервые, как и рассказ «Постник», был опубликован в авторском сборнике «Подорожие» (СПб.: Сирин, 1913). В эмиграции оба текста после неудачных попыток 1926 г. без изменений вновь появились в печати только в 1955 г. [1]. Дальнейшая история публикации рассказа «Судия» показывает, что выбранная Ремизовым тема явно не согласовывалась с предпочтениями не только основателя журнала «Путь», но и других редколлегий. Об этом противоречии, в частности, говорит обмен письмами с редакцией журнала «Перезвоны», где весной 1925 г. уже была начата публикация патериковых легенд под общим заголовком «Чертог Твой: Из книги “Плетешок”» [1]. Очевидно, в начале 1926 г. писатель пытался возобновить печать цикла, однако 31 января получил письмо о возврате «рассказика “Судия”», «который, — как уклончиво писал Б.К. Зайцев, передавая мнение редакции журнала, — у нас не

20 См. роспись произведений, в письме Л. Шестову от 19 августа 1925 г.: [16, с. 172]. См. также тексты рассказов: [20, с. 139–140, 135–136].

21 Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a.

прошел»²². Ни один из ремизовских друзей-редакторов — ни Бердяев, ни Зайцев — не назвали истинных причин отказа от трех рассказов, оперируя лишь вкусовыми критериями. Однако содержание альбома в целом подразумевало более веские основания, по которым Ремизов поместил наборные рукописи перечисленных произведений в альбоме «Зарубежная цензура». Не располагая документальными аргументами, выдвинем версию о том, что редакционные решения были поставлены в зависимость от общественной ситуации 1925 г., связанной с громким скандалом, разразившимся в феврале. Тогда возник прецедент воздействия церковной «цензуры» на деятельность редколлегии газеты «Последние новости», опубликовавшей 8 февраля рассказ С.Р. Минцлова «Тайна». Сюжет этого произведения восходил к апокрифическому Евангелию от Иуды, в котором была представлена героическая трактовка роли предателя Христа. Случай клерикального порицания, обращенного на редактора газеты И.П. Демидова²³, очевидно, подразумевал осторожность решений и в других редакциях периодической печати.

Отдельного рассмотрения заслуживает в альбоме «Зарубежная цензура» подборка критических отзывов на произведения Ремизова, которая является реакцией «автора-составителя» на проявления разного рода идиосинкразии критиков к его художественным приемам. Отсутствие взаимопонимания между писателем и читателем запечатлелось в двух вырезках из печатных источников, касающихся издания в начале 1927 г. романа «Взвихренная Русь» — второго со времени романа «Пруд» (1905; 1908; 1912) произведения большой формы, работе над которым Ремизов посвятил 7 лет жизни, вместившей трагедию революционных лет и начало эмиграции:

22 Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3. Впервые это авторское переложение легенды об осуждении «плотолобивого» монаха, появилось в печати в 1912 г. под названием «Нагой инок» на страницах журнала «Заветы». В эмигрантской периодике «Судия» уже был опубликован три года назад в журнале «Воля Россия», но снова в печати появился только в 1955 г. в журнале «Возрождение» [1].

23 Подробнее о скандале см.: [15, с.13–15].

(5) Айхенвальд Ю. <<Литературные заметки>>. Вырезка из газеты «Руль» (1927. 16 февраля. № 1889. С. 3). На альбомном листе выходные данные рукой Ремизова: *Руль* № 1889. 16. 2. 27. В тексте синим карандашом подчеркнуто слово *раешник*²⁴.

В статье, содержащей оценку романа, наряду с авторскими удачами были придиричиво перечислены некоторые этические и эстетические прегрешения Ремизова из «черного списка», упомянутого нами в начале статьи. К первым из них известный критик отнес ремизовские «сны». Об этом «камне преткновения» критической литературы 1925–1926 гг., не принимавшей ремизовский абсурдистский жанр, Ю.И. Айхенвальд высказался, исходя из личного восприятия, как бы сказал писатель, «по своему глазу и слуху» [18, с. 253]: «...не без скуки читаешь про сновидения, какие имел автор, про иных его знакомых, нам незнакомых». Да и весь роман, на взгляд профессионального читателя, оказался не лишен изъянов, уже отмеченных критиком и в других произведениях²⁵: «...есть на его страницах противная физиология; много обычного для него скоморошества». В целом же вся эпопея, сотканная, по выражению Айхенвальда, из «стихий слов», произвела на него впечатление искусственного «светопредставления» — «жуткой панорамы взвихренной России, которую разворачивает перед нами наш удивительный раешник»²⁶. Для Ремизова, мнившего себя, если не Иваном Тимофеевым нового времени, то по крайней мере хроникером «последних времен»²⁷, разумеется, такое неожиданное соотнесение романа с балаганным жанром могло быть воспринято как незаслуженное умаление масштаба его творческих задач, особенно учитывая трагический накал композиционных доминант романа, придавших этому произведению звучание космогонической эпопеи.

Ремизов не в первый раз сталкивался с односложными оценками Айхенвальда, не привыкшего изменять своих эстетических критериев, сложившихся в дореволюционную пору. Тем удивительней для него, по всей

24 Amherst. Series 1. Subseries 2. Box 16. Folder 29.

25 См. о критике книги «Кукха. Розановы письма»: [11, с. 266–273].

26 Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1927. 16 февр. С. 3.

27 Главы романа, печатавшегося в повременных изданиях России с 1919 г. и продолженные в зарубежной периодике (1922–1924), назывались «Временник Алексея Ремизова», в публикациях 1924 г. название цикла изменилось: «Из временника 17-го года» (см.: [1]).

вероятности, оказалась статья представителя младшего поколения историков литературы:

(6) *Гофман М.Л.* Рецензия М.Л. Гофмана на роман «Взвихренная Русь». Вырезка из парижских «Последних новостей» (1927. 4 августа. № 2325. С. 3)²⁸.

Критик начал свою рецензию с объявления «неудачным» названия романа, подобрав образу ремизовской революционной России такие эпитеты, как «взбаламученная», «зашатавшаяся», «взбудораженная», «потревоженная» и, наконец, «испуганная». Анализируя композицию «Взвихренной Руси», Гофман указал на конкретные недостатки романной формы, пострадавшей от неуместного, на его читательский взгляд, проявления авторского «Я». Признав новое произведение «одной из самых значительных книг, какие только появлялись в России и за границей», он отметил два самых уязвимых звена повествовательной структуры: «Ремизов хотел объять всю Россию, начиная с военной России и кончая Россией 1921 г., хотел ее писать этически, без проклятий и без благословений, но как часто его этический и жуткий в своей полной правде рассказ переходит в личный дневник, и как непомерно много страниц он посвящает себе, Алексею Михайловичу Ремизову, с его особенными, своими думами и снами. Своему углу в громадной, необъятной России»²⁹. Едва ли литературовед догадывался, что от обратного описал основную творческую интенцию писателя, направленную на создание новых форм автобиографической прозы.

Прижизненная библиография, посвященная творчеству Ремизова, накопила значительное число критических статей и рецензий на роман «Взвихренная Русь» (включая отзывы, сохранившиеся в переписке), среди которых восторженные отклики многократно преобладают над ругательными. Однако ремизовский выбор сам по себе показывает, что писателя занимала проблема несовпадения собственной художественной задачи и «горизонтов ожидания» читателя, связанная с автобиографизмом вообще и «снами», которые писатель отстаивал как неотделимый от его мировос-

28 Amherst. Series 1. Subseries 2. Box 16. Folder 29.

29 *Гофман М.Л.* Ремизов Алексей. Взвихренная Русь. Изд. Таир. Париж, 1927. [Рец.] // Последние новости. 1927. 4 августа. С. 3.

приятия элемент личного бытия. Негативная рецепция этих концептуально важных составляющих его творческого сознания быстро укоренялась и становилась «подцензурной». Для того чтобы подтвердить устойчивость рецептивной реакции, приведем письмо одного из критиков, печатавшегося в газете «Возрождение» — органе, принципиально следовавшем политике крайней оппозиционности большевистской России и, по отдельным высказываниям Ремизова, числившем его по разряду просоветски настроенных писателей. Напомним, что роман Ремизова завершается мыслью о будущем возрождении России, которая политически была неудобна крайне радикальным кругам эмиграции. Тем не менее Н.К. Кульман летом 1927 г. опубликовал в газете одну из самых ярких статей, оценивающих «Взвихренную Русь» как вершину творчества писателя. Критик, тщательно проанализировавший архитектуру романа-эпопеи, писал: «Нигде талант Ремизова не сказался с такой яркостью, как здесь, и нигде он не раскрыл себя, как писателя и человека с такой полнотой»³⁰. Между тем он не удержался, чтобы не выразить общераспространенного мнения: «В художественном отношении в новом произведении Ремизова есть некоторые недостатки, обычно присущие его творчеству. Его символика не всегда доступна пониманию, озадачивает читателя <...>. Импрессионистская символика опасна тем, что ее “ответы”, “дуновения” и сны могут оказаться настолько глубоко интимными, что даже искушенный и чуткий читатель станет перед ними в тупик»³¹. В своем личном письме ученый-филолог продолжил свои размышления, затронув проблему непреодолимого разлома между авторской интенцией и читательской рецепцией. 29 декабря 1927 г. Кульман, пересылая Ремизову свой печатный отклик, писал:

Дорогой Алексей Михайлович,

Знаю, что «Возр<ождение>» Вам не каждый день попадает в руки и потому посылаю Вам на всякий случай свой фельетон о Вашей чудесной эпопее. Писатель далеко не всегда согласен с читателем в оценке своих произведений, но мне кажется, что «В<звихренная> Р<усь>» — одно из замечательных явлений в русской литературе. — Вы, вероятно, не примете моих

30 Кульман Н. Новая эпопея (Алексей Ремизов. «Взвихренная Русь». Изд. Таир. Париж, 1927). [Рец.] // Возрождение. 1927. 21 июля. С. 5.

31 Там же.

замечаний об импрессионистической символике, да и может ли художник принимать замечания по поводу того, что связано с его сущностью, с его природой? Однако мое мнение в этом отношении совершенно определено: если бы ее было меньше. То эпопея еще более выиграла в своей художественной силе»³².

Письмо, как и статья Кульмана, не стали объектами альбома «Зарубежная цензура». По-видимому, Ремизова занимали случаи более радикальных расхождений авторефлексии и рецепции. Судя по лаконичности репрезентации документов, касающихся некоторых казусов восприятия его творчества 1923–1931 гг. рецензентами, писатель в своем отборе материала руководствовался отнюдь не «грузом мелочных обид». Скорее, это была попытка, с одной стороны, осмыслить типологию редакционных требований и критических откликов, а с другой — зафиксировать собственные заявленные художественные принципы. Созданный для личного пользования артефакт представляет собой фрагмент хроники литературной жизни русского зарубежья, в которой писатель стремился не только сохранять независимость личной творческой программы от внешних мнений и обстоятельств, но и быть активным участником литературного процесса.

Список литературы

- 1 Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2017) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20articles.html> (дата обращения: 05.08.2020).
- 2 Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 367 с.
- 3 Брусянин В.В. Страшные сказки жизни. (Собрание сочинений Ал. Ремизова) // Брусянин В.В. Дети и писатели: Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А.П. Чехова, Леонида Андреева, А.И. Куприна и Ал. Ремизова). М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. С. 146–203.
- 4 Грачева А.М. Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis — Puskinskij Dom, 2003. (Collana di Europa Orientalis; Вып. 4). С. 249–262.
- 5 Данилова И. Литературная сказка А.М. Ремизова (1900–1920-е годы) / University of Helsinki. Department of Modern Languages. Helsinki, 2010. 269 с. (Slavica Helsingiensia; 39)
- 6 Зайцев Б. Мои современники / сост. Н.Б. Зайцева-Соллогуб; вступ. ст. Б. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1988. 167 с.
- 7 Зайцев Б. На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
- 8 Зайцев Б. Ремизову. К 50-летию литературной деятельности // Русская мысль. 1952. 19 сентября. № 486. С. 2.
- 9 Захржевский А. Подполье. Психологические параллели: Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Мих. Пантюхов. Киев: Изд-во журн. «Искусство и печатное дело», 1911. 108 с.
- 10 Луцевич Л.Ф. Авторецепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения / общ. ред. В.П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2013. С. 177–178.
- 11 Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / изд. подгот. Е. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319. (сер. Лит. памятники).
- 12 Обатнина Е. О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis — Puskinskij Dom, 2003. (Collana di Europa Orientalis; Вып. 4). С. 181–202.
- 13 Обатнина Е. Ремизов: Личность и творческие практики писателя / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 295 с. (Новое лит. обозрение. Науч. прил.; Вып. 71).

- 14 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–45.
- 15 *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44.
- 16 Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского (продолжение) // Русская литература. 1994. № 1. С. 159–174.
- 17 *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
- 18 *Ремизов А.М.* Как научиться писать / публ. и примеч. А.М. Грачевой // Алексей Ремизов: Исслед. и материалы: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.М. Грачева и А. д’Амелия. СПб.; Салерно: Europa Orientalis – Puskinskij Dom, 2003. (Collana di Europa Orientalis; Вып. 4). С. 263–329.
- 19 *Ремизов А.М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 4: Плачужная канава. 560 с.
- 20 *Ремизов А.М.* Собр. соч. СПб.: Росток: Изд-во Росток, 2018. Т. 14: Звезда надзвездная. 735 с.
- 21 *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М.: Никитинские субботники, 1928. 147 с.

References

- 1 *Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2013)* [Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography (1902–2013)], comp. E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.) Available at: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20articles.html> (Accessed 05 August 2020).
- 2 Bogomolov N.A. *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Essays and materials]. Moscow, Novoe Literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 57–66. (In Russ.)
- 3 Brusianin V.V. *Deti i pisateli: Literaturno-obshchestvennye paralleli. (Deti v proizvedeniakh A.P. Chekhova, Leonida Andreeva, A.I. Kuprina i Al. Remizova)* [Children in the works by A.P. Chekhov, Leonid Andreyev, A.I. Kuprin, and Al. Remizov]. Moscow, Tipografiia tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1915, pp. 146–203. (In Russ.)
- 4 Gracheva A.M. *Tvorcheskie materialy A. Remizova k knige N. Kodrianskoi "Aleksei Remizov"* [Remizov's contributions to the book *Alexey Remizov* by N. Kodryanskaya]. In: *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy = Aleksei Remizov: Studi e materiali inediti* [Alexey Remizov: Studies and materials], ed. by A.M. Gracheva and A. D'Amelia. St. Petersburg; Salerno: Europa Orientalis Publ., 2003, pp. 249–262. (Collana di Europa Orientalis; Issue 4.) (In Russ.)
- 5 Danilova I. *Literaturnaia skazka A.M. Remizova (1900–1920-e gody)* [A literary fairytale by A.M. Remizov (1900–1920th years)]. Helsinki, Helsinki University of Department of Modern Languages, 2010, pp. 99–124. (Slavica Helsingiensia; 39) (In Russ.)
- 6 Zaitsev B. *Moi sovremenniki* [My contemporaries], comp. N.B. Zaitseva-Sollogub; introd. B. Filippov. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1988. 167 p. (In Russ.)
- 7 Zaitsev B. *Na Afon* [To Athos], intro A.K. Klement'ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
- 8 Zaitsev B. *Remizovu. K 50-letiiu literaturnoi deiatel'nosti* [To Remizov. On the 50th year anniversary of the literary activity]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought], 1952, September 19. (In Russ.)
- 9 Zakrzhevskii A. *Podpol'e. Psikhologicheskie paralleli* [Underground. Psychological parallels]: Dostoevskii, Leonid Andreev, Fyodor Sologub, Lev Shestov, Aleksey Remizov, Mikhail Pantiukhov. Kiev, "Iskusstvo i pechatnoe delo" Publ., 1911. 108 p. (In Russ.)
- 10 Lutsevich L.F. *Avtoretseptsiia kak popytka formirovaniia literaturnoi reputatsii v "Avtorskoi ispovedi" Nikolaia Gogolia* [Autoreception as an attempt at the development of the literary reputation in "The Author's confession" by Nikolay Gogol]. In: *Tvorchestvo Gogolia i russkaia obshchestvennaia mysl'. XIII Gogolevskie chteniia* [Gogol's work and the Russian social thought. The 13th Gogol readings], ed. V.P. Vikulova. Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2013, pp. 177–178. (In Russ.)

- 11 Obatnina E. Variatsii pamiati (Tvorcheskaia istoriia “Kukkhi” i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of the memory (The history of writing of “Kukkha” and other memorial records about Rozanov)]. In: Remizov A.M. *Kukkha. Rozanovy pis'ma* [Kukkha. Rozanov's letters], ed. by E. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)
- 12 Obatnina E. O tseliakh tvorchestva: Polemicheskii dialog A. Remizova i I. Il'ina [About the purposes of art: A. Remizov and I. Ilyin's polemic dialogue]. In: *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy = Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti* [Alexey Remizov: Studies and materials], ed. by A.M. Gracheva and A. D'Amelia. St. Petersburg; Salerno, Europa Orientalis Publ., 2003, pp. 181–202. (Collana di Europa Orientalis; Issue 4.) (In Russ.)
- 13 Obatnina E. *Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatel'ia* [Remizov: Personality and creative practices of the writer]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 295 p. (In Russ.)
- 14 Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. [Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no 7, pp. 8–45. (In Russ.)
- 15 Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: “La vie”, ili zhizn' “chudesnym obrazom”. Parizh, 1924–1925 [Studies on Alexey Remizov's creative biography: “La vie”, or living “miraculously”. Paris, 1924–1925]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no 4 (14), pp. 8–44. (In Russ.)
- 16 Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym (prodolzhenie) [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov (continued)], introd., ed. and comment. by I.F. Danilova i A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, 1994, no 1, pp. 159–174. (In Russ.)
- 17 Reitblat A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii: istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi* [As Pushkin became a genius: historical and sociological sketches about the book culture of the Pushkin era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)
- 18 Remizov A.M. Kak nauchit'sia pisat' [How to learn to write], publ. and comment by A.M. Gracheva. In: *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy = Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti* [Alexey Remizov: Studies and materials], ed. by A.M. Gracheva and A. D'Amelia. St. Petersburg, Salerno: Europa Orientalis Publ., 2003, pp. 263–291. (Collana di Europa Orientalis; Issue 4.) (In Russ.)
- 19 Remizov A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001. Vol. 4. 560 p. (In Russ.)
- 20 Remizov A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018. Vol. 14. (In Russ.)
- 21 Rozanov I.N. *Literaturnye reputatsii* [Literary reputations]. Moscow, Nikitinskie subbotniki Publ., 1928. 147 p. (In Russ.)